

Текст: НИКИТА СОРИН

СОТВОРЕНИЕ МИРА

15 октября в Пиннеберге открывается новая выставка Николая Эстиса, которого многие наши читатели хорошо знают. Она подводит своеобразный итог более чем 50-летней творческой деятельности художника.

Николай живет в Пиннеберге, но похоже, что весь художественный мир, не вдаваясь в мелкие географические подробности, «прописал» его в Гамбурге. И это, кстати, во многом соответствует истине, потому что именно в нашем городе много лет находилась его мастерская, и Эстис проводил здесь большую часть своего времени – и не только рабочего. Он творил в Гамбурге и настолько духовно сросся с ним, что называть Николая пиннебергским художником – совсем не тот масштаб (не в обиду будь сказано соседнему с нами симпатичному городку).

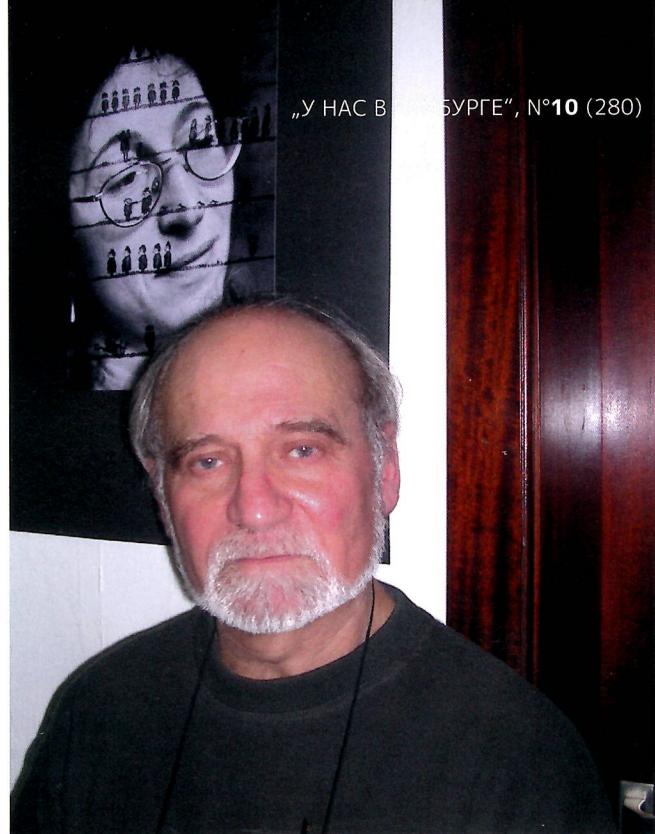
Правда, следует признать, что и в рамках «гамбургского художника» он уже тоже не вписывается. Для качественного анализа его работ нашей дилетантской оценки явно недостаточно: как раз тут случай, когда журналистам, не имеющим специальной подготовки, часто не хватает не столько слов, сколько понимания сути. Поэтому сегодня мы решили опубликовать материал, подготовленный специалистом – **искусствоведом Никитой Сориным**.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО НИКОЛАЯ ЭСТИСА

Работы Николая Эстиса (р. 1937) хранятся в собраниях Третьяковки, Американской академии наук и искусств, Музея Костаки, Дойче-банка, в других частных коллекциях и музеях России и мира. Только в музеях России – от Сахалина до Петрозаводска – находятся более ста работ художника. Первая персональная выставка Эстиса прошла в Москве в 1966 году. А ко времени проведения выставки в Дростае (Пиннеберг, 15 октября – 12 ноября 2023 года) их число приблизилось к сотне. Нынешняя выставка приурочена к юбилею художника и представляет его работы разных периодов.

Художник Николай Эстис не похож ни на кого, у него собственная манера – мгновенно узнаваемая. Пространство его работ необычно. Кажется, что миры в работах Эстиса возникают сами собой.

Искусствоведы уже давно сошлись на том, что большая часть работ Эстиса – не совсем беспредметная живопись. На бумаге или холсте краска превращается в узнаваемые образы –

люди, летящие или мертвые птицы, ангелы, башни, напоминающие Вавилон.

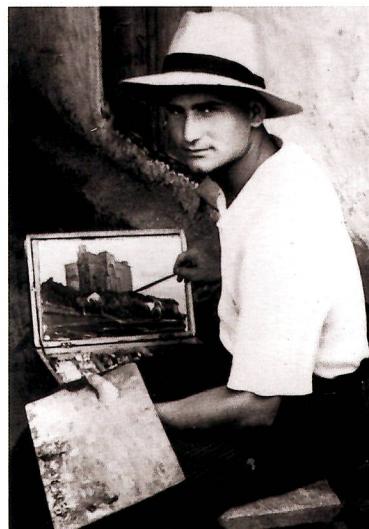
Я спросил у художника, почему он работает циклами? Эстис ответил: «Да они как-то сами собой получаются». – «Но почему именно птицы, ангелы, башни?» – «Для меня это большая тайна. Я их не придумываю. Я работаю, и они появляются, где бы я ни находился, и сколько бы десятилетий их ни разделяло. Если бы я давал себе какое-то задание, вроде «напишу-ка птицу», это было бы всего лишь ремесло, заказ. И я лишил бы себя и моего зрителя главного – ощущения тайны. Основное в моей работе – эмоциональный подъем, близкий к состоянию влюбленности. И если такой подъем овладел тобой, тогда люди, ангелы, птицы и башни появляются сами собой. До поры я как будто не вмешиваюсь в этот таинственный процесс».

Примечательно первое яркое цветное воспоминание Николая. 22 июня 1941 года, Киев, ночь, Ботанический сад, бомбы падают совсем близко. С мамой и сестрой он лежит на земле, лицом вниз, а небо удивительно красиво расцвечено прожекторами и взрывами. Ему хочется вскочить и скорее бежать смотреть, но мама не пускает, закрывает его собой.

Поездка в Киев, как потом выяснилось, была спасительной. Николай с матерью и сестрой оказались в эвакуации. А в местечке Хмельник, где семья жила до войны, пришла немецкая армия. Вскоре почти все еврейское население погибло.

Эстис нетерпим к любым проявлениям национализма. Кажется, именно из детства, из выживания в страшных условиях произрастает твердость, с которой Эстис много десятилетий отстаивает свою манеру. Он не сдался общебязательному в советское время соцреализму, потом держался в стороне от каких бы то ни было течений и направлений.

Как написала искусствовед Елена Жукова, «Эстис обладает счастливой способностью не примеряться ни к каким направлениям. Миры Эстиса – особая духовная субстанция. Картина мира, которую он выстраивает, грандиозна и драматична».

Эстис объясняет свою обособленность так: «У меня было необъяснимое отторжение любой «групповухи». Когда я слышал: «Собираться будем в мастерской у такого-то», я точно знал, что не приду. Искусство – это не для скопища, не для обсуждения. О нем нельзя договариваться. Для меня искусство – интимная вещь».

Во время учёбы Николай подружился с замечательным человеком, художником Александром Ивановичем Дюдиным. Дружба эта продолжалась до последних дней Дюдина. В конце 70-х взолнованный Александр Иванович позвонил жене Николая: «Мы должны остановить Николу! Он идет супротив колонны. Его задавят». Поводы для беспокойства были. После выставок Николая подлавливали сотрудники КГБ. Иногда даже приходилось на месяцы уезжать из Москвы – отсиживаться. А экспозицию в Художественном музее в Ярославле и вовсе запретили и опечатали прямо в день открытия. Если бы тогда «формалистов» опять начали ссылать и сажать, возможно, Эстис разделил бы такую участь.

«Как-то в канун 1 мая, – рассказывает художник, – я засиделся в мастерской с друзьями. Возвращался домой утром. Кругом – звуки оркестров, трудающиеся собираются на демонстрацию. Вижу: по Дубининской улице, где я жил, идет колонна рабочих от какого-то завода. У меня всплыли в голове слова Дюдина: «Супротив колонны». И я решил попробовать, задавят или нет. Вышел на середину улицы и пошел. Навстречу движется колонна с духовым оркестром, с транспарантами. С тротуара мне что-то кричали, пытались прогнать, я ничего не слышал. Только когда почти врезался в демонстрантов, выскочили два милицейских мотоцикла, и меня скрутили. Но, видите, не задавили же, живу...»

Начиная с 60-х годов в мастерской Эстиса на «закрытые просмотр» собирались много народу – молодые физики, литераторы, искусствоведы, музыканты. А в начале 90-х среди зрителей появился молодой писатель Михаил Шишкин. Потом он стал приезжать в мастерскую с диктофоном, собирая материал для романа. Правда, так и не написал, но остались стопки кассет с беседами и тема – «художник, который сохранился». С Шишкиным Эстис дружит до сих пор.

В 1958-м Николая забрали в армию. «Когда на плацу нас начали засыпать командами, я впал в отчаяние – это же на три года! И вдруг вспомнил: мы в училище проходили китайскую перспективу (перспектива с птичьего полета). Это когда пейзаж просматривается сверху и вдаль. Мы маршируем, а я мысленно взлетел над плацем и смотрю – вокруг горы, простор, и далеко внизу идет наш едва заметный строй. Так смешно это выглядело! И сразу стало легче».

Вдохновение, влюбленность – все это тоже в каком-то смысле китайская перспектива. Другая, не привычная точка зрения. Эти слова сияют и не могут передать состояние обостренного вос-

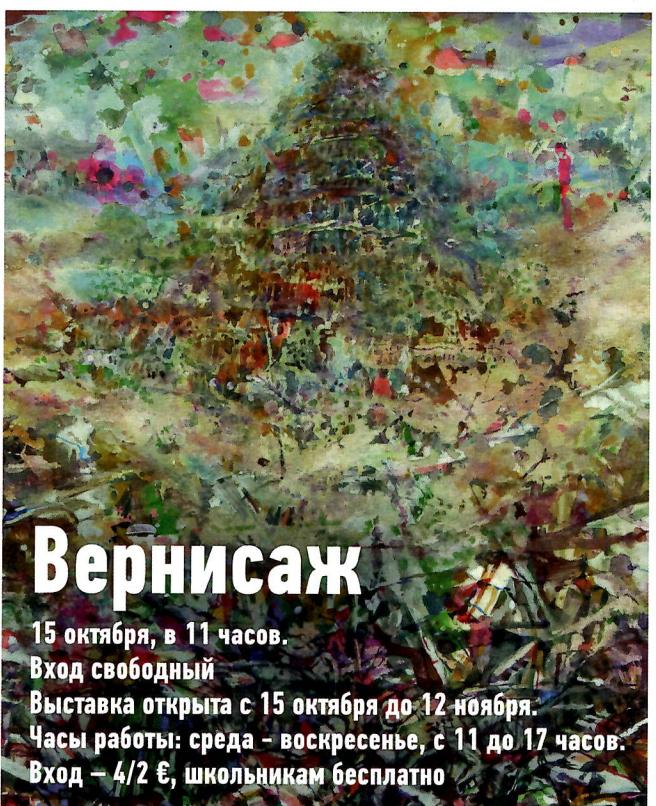
приятия, в котором стираются очертания и обычные имена вещей. И все вокруг вдруг оказывается неизвестным, живой тайной, которую невозможно ни осмыслить, ни объяснить.

В своей книге воспоминаний «Точка схода» Эстис пишет: «По создаваемому мною пространству непрестанно бредут великие человеческие множества. Они возникают помимо моей воли, перемещаются жуткой массой, то оседая на моих работах причудливыми красочными мазками, то двигаясь дальше и растекаясь цветными потоками. Лица неразличимы, силуэты размыты. Кто знает, ищут они свой Вавилон или бегут из него, подминая историческую, географическую и всякую другую доступную нашему пониманию реальность. Может, это отражение событий, произошедших за много столетий до моего рождения, может – пророчество, чей смысл пока недоступен. Пророчество о точке схода, общей для всех?»

Бредущие фигуры и возносящиеся аркады башен – это попытка приподняться и охватить взором историческое странствие человеческого рода.

Но образы, подсознательные метафоры в работах Эстиса не так важны. Они только проводники – затягивают зрителя в пространство Эстиса и растворяются в нем. Кто-то видит в этой живописи религиозный мир духа или образ космоса, другие находят выражение внутренней эмоциональной жизни. Все эти трактовки на самом деле близки. И каждая на своем языке описывает тайну – неизвестную и очаровывающую реальность, которая ускользает от повседневного восприятия.

Размышляя о работах Николая Эстиса, литературный критик Лев Аннинский в своем эссе «Хаос-Космос-Эстис», заметил: «Эстис не привязывает свои полотна к содержательным сюжетам. Он полагает, что это личное дело зрителей. Зритель воспринимает то, к чему готов».

Die Drostei | Dingstätte 23 | 25421 Pinneberg
www.drostei.de

